

Георг Эберс

**Собрание сочинений Георга
Эберса**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э13

Э13 **Эберс Г.**
Собрание сочинений Георга Эберса / Георг Эберс – М.: Книга по Требованию,
2025. – 279 с.

ISBN 978-5-521-39033-5

ISBN 978-5-521-39033-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

Архитекторъ Горгій Александрійскій привыкъ выносить палящій зной египетскаго полдня. Хотя ему не исполнилось еще тридцати лѣтъ, но онъ уже завѣдывалъ — сначала, какъ помощникъ, потомъ, какъ преемникъ своего отца — постройкой громаднхъ зданій, которыя Клеопатра воздвигала въ Александріи.

Именно въ настоящую минуту онъ былъ заваленъ дѣлами и, однако, явился сюда до окончанія работы, въ угоду юношѣ, едва перешедшаго ребяческой возрастъ.

Правда, что тотъ, кому онъ приносилъ эту жертву, былъ никто иной, какъ Цезаріонъ, сынъ царицы Клеопатры отъ Юлія Цезаря. Антоній почтилъ его горделивымъ титуломъ «Царя царей», — хотя ни царствовать, ни даже управлять ему не пришлось: мать удаляла его отъ дѣлъ правленія, да и самъ онъ не добивался скипетра.

Горгій тѣмъ болѣе могъ бы пренебречь его желаніемъ, что тотъ, очевидно, хотѣлъ поговорить съ нимъ объ окружающихъ его людяхъ. Архитекторъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что хотѣлъ сообщить ему Цезаріонъ, и ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы его слушать, такъ какъ флотъ, увозившій царицу и Марка Антонія въ Грецію, долженъ былъ уже встрѣтиться съ флотомъ Октавіана, да и сраженіе на сушѣ, вѣроятно, уже было дано и судьбы міра рѣшились.

Онъ, Горгій, вѣрилъ въ побѣду царицы и Антонія и отъ души желалъ ее. Повидимому, онъ даже считалъ сраженіе выиграннымъ, такъ какъ держалъ въ рукахъ программу празднествъ въ честь побѣдителей, и сегодня же долженъ былъ рѣшить, гдѣ поставить колоссальную статую, изображавшую Антонія рука объ руку съ его царственной подругой.

Эпитропъ Мардіонъ, евнухъ, замѣщавшій царицу въ качествѣ регента, и хранитель печати Зенонъ, обыкновенно во всемъ согласный съ Горгіемъ, желали поставить статую не въ томъ мѣстѣ, которое онъ намѣтилъ. Для того, чтобы исполнить желаніе могущественнаго регента, приходилось захватить частное владѣ-

пие. Отсюда могли возникнуть затрудненія и это не нравилось Горгію. Но и съ эстетической точки зрѣнія онъ не могъ одобрить планы Мардіона; правда, поставленная на участкѣ Дидима статуя оказалась бы у самаго моря, чего и хотѣлось регенту и хранителю печати, но у нея не было бы фона.

Какъ бы то ни было, приглашеніе Цезаріона давало архитектору случай обозрѣть Брухіумъ съ верхнихъ ступеней храма Изиды, гдѣ должно было состояться свиданіе, и выбрать мѣсто для статуи. Ему очень хотѣлось пайти подходящее мѣсто, такъ какъ скульпторъ былъ его другъ и умеръ вскорѣ послѣ окончанія статуи.

Храмъ, откуда смотрѣлъ Горгій, находился въ одномъ изъ красивѣйшихъ уголковъ квартала Брухіума, застроеннаго дворцами, великолѣпнѣйшими храмами, — за исключеніемъ Серапеума, находившагося въ другой части города, — огромными театрами; тутъ же находился форумъ, гдѣ македонскіе граждане собирались на совѣтъ, и музей, пріютъ ученыхъ.

Мѣстность, примыкавшая къ храму Изиды съ востока, называлась «уголкомъ музъ» по мраморнымъ статуямъ передъ воротами дома съ большимъ садомъ, принадлежавшаго престарѣлому, почтенному ученому и члену музея Дидиму.

День былъ жаркій, и портикъ храма Изиды доставлялъ архитектору пріятную прохладу. Зданіе возвышалось надъ высокимъ фундаментомъ, большая лѣстница во много ступеней вела внутрь. Съ вершины ея Горгій могъ охватить взглядомъ обширное пространство.

Большая часть зданій, возвышавшаяся передъ нимъ, были построены во времена Александра и его преемниковъ изъ дома Итоломеевъ, но нѣкоторые, и притомъ не изъ худшихъ, представляли дѣло рукъ его, Горгія, или его отца. Это возбуждало его гордость и сердце художника исполнялось восторгомъ при видѣ этой части города.

Онъ бывалъ въ Римѣ, видалъ и другіе города, славившіеся своимъ многочисленіемъ и великолѣпіемъ, но нигдѣ не случалось ему видѣть такой массы великолѣпныхъ, художественныхъ произведеній, сосредоточенныхъ на такомъ незначительномъ пространствѣ, какъ здѣсь.

«Если бы кто-нибудь изъ безсмертныхъ, — думалъ онъ, — пожелалъ воздвигнуть дворецъ для обитателей Олимпа, достойный ихъ величія и славы, онъ не могъ бы создать лучшаго и болѣе соответствующаго художественной потребности, которой они насъ одарили. И, конечно, онъ воздвигъ бы его на берегу такого моря».

Тутъ онъ прикрылъ рукой свои зоркіе глаза и, оторвавшись отъ отдѣльныхъ зданій, сталъ наслаждаться общей картиной, для

завершенія которой потрудился и самъ. Созерцая опытнымъ взоромъ художника гармонію формъ въ отдѣльныхъ храмахъ и портикахъ и удачное расположеніе зданій и памятниковъ, онъ говорилъ себѣ, глубоко вздыхая, что его искусство лучшее изъ искусствъ, а постройки—благороднѣйшее развлеченіе царей.

Безъ сомнѣнія, такъ же думали властители, ственившіеся въ теченіе трехъ столѣтій создать вокругъ своихъ дворцовъ обстановку, которая соотвѣтствовала бы величію ихъ власти и богатству ихъ царства и давала бы осязаемое выраженіе ихъ почтенію къ богамъ и любви къ прекрасному. Ни одинъ царскій родъ на землѣ не могъ бы похвалиться болѣе пышнымъ жилищемъ. Такъ думалъ архитекторъ, любясь раскидывавшейся передъ нимъ картиной, гдѣ плоды неистощимой изобрѣтательности и искусства людей выступали въ полномъ блескѣ на фонѣ темно-лазурнаго моря и неба, подъ яркими лучами солнца.

Ожиданіе, которое было бы невыносимо для занятого человѣка въ другомъ мѣстѣ и въ другое время, здѣсь превращалось въ удовольствіе. Лучи, щедро изливавшіеся отъ пышнаго свѣтила, сверкали ослѣпительнымъ блескомъ на бѣлыхъ мраморныхъ колоннахъ храмовъ и портиковъ, играли на полированномъ гранитѣ обелисковъ и гладкихъ стѣнахъ изъ бѣлаго, желтаго и зеленаго мрамора, сіенита и темнаго пятнистаго порфира. Казалось, они готовы были растопить пеструю мозаику, одѣвавшую каждый футъ почвы всюду, гдѣ не было дороги или деревьевъ, и безсильно отражались отъ сверкающаго металла и блестящей глазури пестрыхъ черепицъ на крышахъ дворцовъ и храмовъ. Здѣсь они искрились на металлическихъ украшеніяхъ, тамъ пропадали въ блескѣ позолоченнаго купола, тамъ снова придавали ослѣпительный блескъ смарагда зеленой бронзѣ. Они превращали въ кораллъ и лаписъ-лазули части храмовъ, окрашенные въ красный и голубой цвѣтъ, въ топазъ—ихъ позолоченныя украшенія. Мозаическія картины на площадяхъ и внутреннихъ стѣнахъ колоннадъ выступали особенно рельефно на свѣтломъ фонѣ мраморныхъ массъ, которыя, въ свою очередь, чередуясь съ картинами, не утомляли глаза ослѣпительнымъ однообразіемъ.

Какъ усиливались въ лучахъ полуденнаго солнца пышныя краски флаговъ и вымпеловъ, развѣвавшихся надъ триумфальными арками, надъ воротами храмовъ и дворцовъ, подлѣ обелисковъ и египетскихъ пилоновъ! Но даже драгоцѣнная голубая ткань флаговъ, украшавшихъ дворецъ дѣтей Клеопатры на полуостровѣ Лохіасѣ, не могла соперничать съ лазурью моря, окаймлявшаго берегъ темно-синей рамкой, тогда какъ далѣе темныя и свѣтлыя зеленыя полосы пробѣгали по голубой поверхности.

Предаваясь созерцанію этой картины, Горгій, однако, не забылъ о цѣли своего присутствія здѣсь.

Нѣтъ, садъ Дидима не подходящее мѣсто для послѣдняго произведенія его друга.

Когда онъ еще разъ окинулъ испытующимъ окомъ высокіе платаны, сикоморы и мимозы, окружавшіе пріютъ стараго ученаго, его слухъ былъ пораженъ шумомъ, доносившимся снизу: народъ стремился къ дому Дидима, какъ будто тамъ произошло что-нибудь необычайное.

Что нужно людямъ отъ скромнаго ученаго?

Онъ всматривался въ даль, но вскорѣ обернулся, услышавъ чей-то веселый голосъ, окликнувшій его снизу.

Странная процессія приближалась къ храму. Впереди небольшого отряда вооруженныхъ людей шелъ невысокій коренастый человѣкъ, съ двойнымъ лавровымъ вѣнкомъ на большой косматой головѣ. Онъ велъ оживленный разговоръ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Передъ ступенями храма онъ пріостановился со всей своей свитой и поздоровался съ архитекторомъ. Послѣдній отвѣчалъ ему нѣсколькими дружескими словами. Увѣчанный хотѣлъ, повидимому, подняться къ Горгію, но спутникъ остановилъ его, и тотъ, послѣ непродолжительнаго колебанія, пожалъ молодому человѣку руку, закинулъ голову назадъ и, раздуваясь, какъ павлинь, отправился дальше съ своей свитой.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, слегка поморщившись, потомъ спросилъ Горгія, о чемъ онъ молить богиню.

— О твоёмъ приходѣ, — весело отвѣчалъ тотъ.

— Ну, значить, Изидѣ къ тебѣ милостива, — былъ отвѣтъ, и минутой спустя они пожимали другъ другу руки.

Они были одинаковаго сложенія и роста, лица обоихъ отличали греческое происхожденіе; ихъ можно бы было даже принять за братьевъ, если бы черты архитектора не были грубѣе и рѣзче, чѣмъ у его собесѣдника, котораго онъ называлъ Діономъ и своимъ другомъ.

Когда этотъ послѣдній съ насмѣшкой заговорилъ о своемъ увѣчанномъ спутникѣ, Анаксенорѣ, знаменитомъ игрокѣ на цитрѣ, которому Антоній подарилъ доходы съ четырехъ городовъ и позволилъ держать стражу, Горгій то вторилъ ему, то сдерживалъ его благоразумными замѣчаніями. При этомъ разговорѣ ясно сказалося глубокое различіе въ характерѣ двухъ сверстниковъ.

Оба обнаруживали самоувѣренность, несвойственную ихъ возрасту; но самоувѣренность Горгія была результатомъ работы и личныхъ заслугъ, тогда какъ у Діона она проистекала изъ обезпеченнаго и независимаго положенія. Человѣкъ, незнакомый съ дѣятельностью Діона въ городскомъ совѣтѣ, гдѣ онъ не разъ рѣ-

шалъ дѣла въ извѣстномъ направленіи силою своихъ тщательно обработанныхъ рѣчей, принялъ бы его за беззаботнаго гуляку, какихъ немало было въ Александріи въ эту блестящую эпоху, тогда какъ въ Горгіи все, отъ блеска глазъ до грубыхъ кожаныхъ сандалій, изобличало серьезную работу мысли и безпритязательную дѣловитость.

Они сдѣлались друзьями съ тѣхъ поръ, какъ Горгіи выстроилъ Діону новый дворецъ. Продолжительныя дѣловые отношенія сближаютъ людей, когда не ограничиваются только предписаніемъ и исполненіемъ. Въ данномъ случаѣ заказчикъ только высказывалъ желанія и давалъ указанія, но художникъ превратился въ искренняго друга, влагавшаго душу въ осуществленіе того, что лишь смутно рисовалось первому. Такимъ образомъ, они сдѣлались мало-по-малу необходимы другъ для друга. Архитекторъ открылъ въ богатомъ молодомъ щеголѣ многое, чего раньше не подозрѣвалъ, а тотъ съ своей стороны былъ пріятно пораженъ, найдя въ серьезномъ и степенномъ художникѣ хорошаго товарища, отнюдь не лишеннаго слабостей, что только усиливало ихъ дружбу.

Послѣ того какъ дворецъ, возбудившій много похвалъ, какъ одно изъ лучшихъ украшеній столицы, былъ оконченъ къ удовольствію Діона, дружба молодыхъ людей приняла новый характеръ и трудно было бы рѣшить, съ чьей стороны она была сильнѣе.

Игрокъ на питрѣ остановилъ Діона съ цѣлью услышать отъ него подтвержденіе извѣстія о великой побѣдѣ, будто бы одержанной соединеннымъ флотомъ Антонія и Клеопатры.

Въ Канопскомъ трактирѣ, гдѣ онъ завтракалъ, эта вѣсть возбудила общую радость и немало вина было выпито за здоровье побѣдителей и за гибель ихъ коварнаго соперника.

— Меня теперь считаютъ всевѣдующимъ не только олухи въ родѣ Анаксенора, но и многіе разумные люди, — говорилъ Діонъ. — А почему? Потому что я племянникъ хранителя печати Зенона, который самъ въ отчаяніи отъ того, что ничего не знаетъ, то есть буквально ничего...

— Однако же, онъ ближайшее лицо къ регенту, — замѣтилъ Горгіи, — такъ кому же и знать, что дѣлается съ флотомъ?

— И ты туда же! — вздохнулъ его собесѣдникъ. — Если бы я также часто поднимался на крыши и стѣны зданій, какъ ты, архитекторъ, отъ меня не ускользнуло бы, откуда дуетъ вѣтеръ. А дуетъ онъ съ юга вотъ ужъ двѣ недѣли и задерживаетъ корабли, идущіе съ сѣвера. Регентъ ничего не знаетъ, рѣшительно ничего, и дядя, разумѣется, столько же. А еслибъ и знали что-нибудь, такъ они слишкомъ благоразумны, чтобы дѣлиться со мной своими свѣдѣніями.

— Положимъ, ходятъ и другіе слухи, — задумчиво сказалъ Горгій. — Еслибъ я былъ на мѣстѣ Мардіона...

— Благодари олимпійцевъ, что этого съ тобой не случилось, — засмѣялся Діонъ. — У него теперь хлопотъ по уши. А важнѣйшая... этотъ молокососъ Антиллъ вчера брякнулъ у Барины... Бѣдняга! Дома ему навѣрно досталось за это.

— Ты намекаешь на его замѣчаніе по поводу присутствія Клеопатры во флотѣ?

— Тссс... — произнесъ Діонъ, приложивъ палецъ къ губамъ.

Толпа мужчинъ и женщинъ поднималась по лѣстницѣ. Многіе несли цвѣты и хлѣбы, у большинства лица были оживлены выраженіемъ набожной благодарности. До нихъ тоже достигла вѣсть о побѣдѣ, и они хотѣли принести жертву богинѣ, которую Клеопатра, «Новая Изиды», почитала болѣе всѣхъ другихъ.

Храмъ оживился. Послышались звуки сестры и бормочущіе голоса жрецовъ. Тихій портикъ небольшого алтаря богини, который здѣсь, въ греческой части города, привлекалъ мало посетителей въ противоположность огромному, всегда переполненному народомъ храму Изиды въ Ракотисѣ, былъ теперь крайне неудобнымъ мѣстомъ для бесѣды людей, стоявшихъ близко къ правителямъ государства. Замѣчаніе Антилла, девятнадцатилѣтняго сына Антонія, насчетъ Клеопатры, высказанное имъ вчера на вечерѣ у Барины, красивой молодой женщины, въ домѣ которой собирались всѣ сколько-нибудь значительные представители мужского общества Александріи, было тѣмъ болѣе неблагоприятно, что совпадало съ мнѣніемъ здравомыслящихъ людей. Легкомысленный юноша обожалъ своего отца, но Клеопатра возлюбленная, а въ глазахъ Египта жена Антонія, не была его матерью. Онъ родился отъ Фувліи, первой жены Антонія, былъ римлянинъ въ душѣ и предпочелъ бы берега Тибра Александріи. Къ тому же всѣмъ было извѣстно, — и преданнѣйшіе друзья его отца отнюдь не скрывали этого, — что присутствіе царицы въ войскѣ мѣшало Антонію и могло дурно повліять на настроеніе духа смѣлаго полководца. Все это Антиллъ высказалъ со свойственною ему, унаслѣдованною отъ отца, неблагоприятною откровенностью, и притомъ въ такой формѣ, которая могла только содѣйствовать скорѣйшему распространенію его словъ.

Скромное общество, собравшееся въ храмѣ Изиды, вѣроятно, еще не слыхало объ этой сплетнѣ, но въ немъ могли оказаться люди, знавшіе Цезаріона. Поэтому Горгій нашелъ болѣе удобнымъ подождать его у подножія лѣстницы. Итакъ, онъ спустился съ своимъ другомъ внизъ, съ трудомъ пробираясь въ толпѣ людей, стремившихся частью въ храмъ, частью къ дому ученаго Дидима.

Имъ хотѣлось узнать, не распространился ли уже слухъ о

намѣненіи регента и Зенона отобрать у Дидима садъ, чтобы воздвигнуть на его мѣстѣ статую, и первые же вопросы показали имъ, что объ этомъ дѣйствительно уже всѣмъ извѣстно. Толковали даже, будто домъ ученаго будетъ разрушенъ и притомъ въ нѣсколько часовъ. Это возбуждало общее негодованіе, и только какой-то долговязый дѣтина старался оправдать насильственный поступокъ правителей.

Друзья хорошо знали этого человѣка. То былъ сиріецъ Филостратъ, краснобай и крикунъ, защищавшій худшія предпріятія въ угоду тому, кто больше заплатитъ.

— Теперь этотъ мошенникъ состоитъ на службѣ у моего дяди, — замѣтилъ Діонъ. — Онъ-то и придумалъ поставить статую въ этомъ мѣстѣ. Тутъ у него какія-то тайныя побочныя цѣли. И надо же имъ было подкупить именно Филострата. Можетъ быть, этотъ проектъ имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ Баринѣ: вѣдь Филостратъ былъ ея мужемъ, прежде чѣмъ отказался отъ нея.

— Отказался! — повторилъ Горгій. — Подходящее выраженіе! Да, конечно, отказался, но, чтобы побудить его къ этому, бѣдняжка должна была пожертвовать доброй половиной своего состоянія, которое ея отецъ нажилъ кистью. Ты знаешь не хуже меня, что жизнь ея съ этимъ негодяемъ была просто невыносимой.

— Совершенно вѣрно, — равнодушно отвѣчалъ Діонъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ вся Александрія растаяла отъ восторга, слушая ея пѣніе на праздникѣ Адониса, ей не требуется такого жалкаго спутника.

— Какъ ты можешь бросать тѣнь на женщину, которую не далѣе какъ вчера называлъ безупречной, прекрасной, единственной?..

— Боюсь, что свѣтъ, исходящій отъ нея, ослѣпитъ твои глаза. Я знаю, какъ они чувствительны.

— Такъ пощади же ихъ, а не раздражай. Впрочемъ, твое предположеніе имѣетъ нѣкоторое основаніе. Барина — внучка ученаго, у котораго хотятъ отнять садъ, и ея мужъ не прочь устроить пакость имъ обоимъ. Но я разстрою его игру. Мое дѣло выбрать мѣсто для статуи...

— Твое? — перебилъ Діонъ. — Да, если никто посильнѣе тебя не впускается въ это дѣло. Я бы, пожалуй, отговорилъ дядю, но тутъ и кромѣ него замѣшаны разныя лица. Царица сильна, но и приказаніями Иры нельзя пренебрегать, а она говорила мнѣ сегодня утромъ, что у нея свои соображенія насчетъ мѣста для статуи.

— Въ такомъ случаѣ, — воскликнулъ архитекторъ, Филостратъ явился на сцену по твоей милости!

— По моей? — переспросилъ Діонъ съ удивленіемъ.

— Ну да, по твоей. Ты самъ мнѣ рассказывалъ, что Ира, подруга твоего дѣтства, въ послѣднее время одолѣла тебя шпіонствомъ, выслѣживая каждый твой шагъ. Ну, а затѣмъ... Ты усердный посѣтитель Барины, которая явно предпочитаетъ тебя всѣмъ намъ, что легко могло дойти до ушей Барины.

— У Аргуса сотня, у ревности тысяча глазъ,—перебилъ его другъ,—а между тѣмъ все, что меня привлекаетъ къ Баринѣ, это возможность пріятно провести часть-другой вечеромъ, въ свободное время. Все равно. Предположимъ, что Ира слышала о предпочтеніи, оказываемомъ мнѣ Бариной. Ира сама не равнодушна ко мнѣ и потому подкупаетъ Филострата. Подкупаетъ для того, чтобы сдѣлать гадость лицу, которое стоитъ между мною и ею, или хоть старику, имѣющему счастье или несчастье быть дѣдомъ ея соперницы. Нѣтъ, нѣтъ, это было бы слишкомъ, слишкомъ низко! И, повѣрь мнѣ, если бы Ира хотѣла погубить Барину, такъ не стала бы дѣйствовать такимъ извилистымъ и гадкимъ путемъ. Притомъ же она не зла. А, впрочемъ, пожалуй... Я вѣдь знаю о ней только то, что она не отступаетъ передъ сомнительными средствами, когда нужно чего-нибудь добиться для царицы, а затѣмъ, что съ ней не соскучишься. Да, Ира, Ира... Мнѣ нравится это имя. А все-таки я ея не люблю, она же любитъ только себя самое и еще больше свою госпожу, что немногіе могутъ сказать о себѣ. Что для нея весь міръ? Что значу я въ сравненіи съ царицей, кумиромъ ея сердца? Съ тѣхъ поръ какъ та уѣхала, она бродитъ, какъ покинутая Аріадна, какъ лань, отбившаяся отъ матки. Царица до-вѣряетъ ей, какъ сестрѣ, какъ дочери. Никто не знаетъ, какую собственную роль играютъ во дворцѣ Ира и Харміона. Называются онѣ служанками, на самомъ же дѣлѣ онѣ скорѣй подруги царицы. Уѣзжая и оставляя здѣсь Иру,—у нея была лихорадка,—Клеопатра поручила ей надзоръ за дѣтьми, между прочимъ, и за такими, у которыхъ уже пробивается борода: за «царемъ царей» Цезаріономъ, котораго начальникъ дворца колотить скипетромъ за каждую провинность, и за Антиллою, который вчера забрался къ нашей пріятельницѣ.

— Вѣдь это самъ Антоній, его отецъ, познакомилъ ихъ.

— Правда твоя, а Антиллъ познакомилъ съ ней Цезаріона. Это не понутру Ирѣ, какъ и все, что можетъ огорчить царицу. Такъ что Барина непріятна ей, во-первыхъ, изъ-за Клеопатры, во-вторыхъ, быть можетъ, изъ-за меня. Итакъ, она устроитъ старику, дѣду Барины, каверзу, которую та приметъ близко къ сердцу, и по своей избалованности и неосторожности не удержится отъ какой-нибудь глупости, за которую ее можно будетъ притянуть къ отвѣту. Врядъ ли Ира замышляетъ противъ ея жизни; вѣрнѣе, она расчитываетъ на изгнаніе или что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Хотя я самъ натолкнулъ тебя на эту мысль, но всетаки не рѣшаюсь заподозрить ее въ такой низкой интригѣ, — недовѣрчиво замѣтилъ Горгій.

— А я развѣ подозреваю! — воскликнулъ Діонъ. — Я переносю мысленно ко двору и стараюсь понять душу женщины, которая тамъ помогаетъ производить вѣдро и ненастье. Ты округляешь колонны и обтесываешь балки, чтобы укрѣпить на нихъ крышу, которой займешься въ свое время. Она же и всѣ, кто вертится при дворѣ, прежде всего устраиваютъ крышу, а тамъ уже стараются поднять ее и укрѣпить. При этомъ могутъ оказаться и трупы, загубленные существованія, разбитыя сердца. Во всякомъ случаѣ, крыша останется на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока главный смотритель построекъ — Клеопатра — будетъ находить ее красивой. Остальное... Но я вижу повозку. Это онъ... Ты хотѣлъ... — Тутъ онъ остановился, схватилъ за руку своего собесѣдника и быстро прошепталъ: — Ира, навѣрно, замѣшана въ этомъ дѣлѣ, и не объ Антиллѣ, а объ этомъ ханжѣ она хлопочетъ. Когда мы говорили о статуѣ, она тутъ же спросила, видѣлъ ли я его третьяго дня вечеромъ; а какъ разъ третьяго дня вечеромъ я его тоже встрѣтилъ у Барины. На нее-то и мѣтитъ Ира. Чтобы поймать мышъ, нужно открыть мышеловку, вотъ Ира и собирается сдѣлать это своей маленькой ручкой.

— Если только ей не помогаетъ какая-нибудь мужская рука, — прибавилъ архитекторъ, и обернулся къ повозкѣ и къ пожилому человѣку, который направлялся къ друзьямъ.

ГЛАВА II.

Діонъ хотѣлъ скромно удалиться, когда спутникъ Цезаріона подошелъ къ нимъ и поздоровался. Но тотъ удержалъ его. Это былъ крупный, широкоплечій человѣкъ мощнаго сложенія; въ его голосѣ и плавныхъ, размѣренныхъ жестахъ чувствовалось какое-то внушительно спокойствіе. Ему было около сорока пяти лѣтъ, но съ виду онъ казался старше; благодаря огромной сѣдой головѣ и въ особенности важнымъ внушительнымъ манерамъ.

— Молодой государь, — сказалъ онъ глубокимъ звучнымъ голосомъ, указывая на повозку, — хотѣлъ переговорить съ тобой лично, Горгій, но я отсовѣтовалъ ему показываться въ народѣ. Онъ явился сюда въ закрытой повозкѣ. Сдѣлай одолженіе, подойди къ нему и выслушай его, а я побуду здѣсь. Странныя дѣла творятся!.. Да, что это? Или я ошибаюсь? Неужели эта громада, которую тамъ тащатъ, статуя царицы и ея друга? Это ты, Горгій, выбралъ для нея мѣсто?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ архитекторъ рѣшительно. — Да и распо-

ряженіе о перевозкѣ статуи отдано безъ моего вѣдома и противъ моей воли.

— Такъ я и думалъ,—замѣтилъ его собесѣдникъ.— Цезаріонъ хочетъ поговорить съ тобой именно объ этой статуѣ. Если ты можешь помѣшать ея постановкѣ на землѣ Дидима, тѣмъ лучше. Я съ своей стороны готовъ оказать тебѣ содѣйствіе, но въ отсутствіи царицы мое значеніе очень невелико.

— А о моемъ и говорить не стоитъ,—подхватилъ архитекторъ.— Кто нынче можетъ сказать, будетъ ли завтра ясно или пасмурно? Скажу одно: я съ своей стороны сдѣлаю все, чтобы помѣшать этому посягательству на право почтеннаго гражданина, этому нарушенію законовъ нашего города и оскорбленію хорошаго вкуса.

— Скажи это царевичу, только осторожно,—замѣтилъ Архібій, видя, что архитекторъ направляется къ повозкѣ.

Когда онъ остался наединѣ съ Діономъ, послѣдній спросилъ его о причинахъ суматохи на улицѣ, и такъ какъ онъ раздѣлялъ общее уваженіе всего порядочнаго александрійскаго общества къ Архібію и зналъ о его сношеніяхъ съ владѣльцемъ сада и его внучкой Бариной, то и рассказалъ ему вполне откровенно о своихъ опасеніяхъ.

— Ира твоя племянница,—прибавилъ онъ,— но вѣдь ты знаешь, у нея очень тонкій расчетъ: подбросить неосторожному человѣку золотое яблоко подъ ноги, а когда тотъ подниметъ, обвинить его въ воровствѣ.

Замѣтивъ вопросительный взглядъ Архібія при этомъ сравненіи, онъ продолжалъ болѣе серьезнымъ тономъ:

— Зевсъ великъ, но и надъ нимъ владычествуетъ судьба! Мой дядя Зеѳонъ пользуется большимъ вѣсомъ при дворѣ, но когда Ира и твоя сестра Харміона, которая, къ несчастію, уѣхала съ царицей, вздумаютъ сдѣлать что-нибудь по своему, онъ живо уступаетъ, также какъ и регентъ Мардіонъ. Чѣмъ плѣнительнѣе Клеопатра, тѣмъ больше дорожатъ мѣстами при ней, и ужъ во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ такими бездѣлицами, какъ законъ и право.

— Твой отзывъ очень рѣзокъ,—перебилъ Архібій,—и мнѣ тѣмъ горше его слышать, что въ немъ много правды. Нашъ дворъ раздѣляетъ участь всѣхъ восточныхъ дворовъ, и тотъ, кому въ былое время Римъ подавалъ примѣръ уваженія къ святости закона и права...

— Можетъ отправится туда,—подхватилъ Діонъ,—и посмотрѣть, какъ тамъ попираютъ то и другое. Здѣшніе и тамошніе правители могутъ усмѣхаться, какъ авгуры, глядя другъ на друга. Это одного поля ягоды!..